

Глава 19

РАЗРАБОТКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ФОРМАЦИЙ

Разработка советскими марксистами теорий докапиталистических формаций происходила в борьбе с буржуазными учеными, среди которых было немало последователей М. Вебера, А. Допша, Г. Риккерта. Труды буржуазных ученых основывались на богатом фактическом материале, глубоком знании источников, разнообразных методах их анализа, позволявших сделать интересные, порой весьма глубокие выводы по отдельным проблемам. В то же время общие построения буржуазных ученых не были свободны от влияния идеалистической философии. В отличие от них ученые, стоящие на марксистских позициях, пропагандировали материалистическое понимание истории. В противоположность буржуазным ученым, представлявшим историю как результат деятельности великих личностей или смены династий, в работах марксистов на первом плане находится не политическая, а социально-экономическая история, история труда и классовой борьбы¹.

Для разработки марксистской политической экономии докапиталистических формаций важное значение имела публикация в 20—30-е годы ряда работ классиков марксизма («Наброски ответа на письмо В. И. Засулич», «Немецкая идеология», «Франкский период», «К истории древних германцев», «Формы, предшествующие капиталистическому производству» и др.), ленинской лекции «О государстве», а также Собраний сочинений К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина.

Раздел политической экономии, посвященный анализу докапиталистических формаций, далеко не сразу занял подобающее ему место в системе категорий и законов экономической науки. В первые годы Советской власти изучение экономической теории ограничивалось в основном капитализмом. Одним из немногих исключений был многотомный «Курс политической экономии» А.А. Богданова и И.И. Степанова, многократно переиздававшийся в 20-е годы. В нем выделялось три основных типа «строения общественной организации», в рамках которых существуют различные эпохи: 1. дробное натуральное хозяйство: а) первобытный родовой коммунизм, б) авторитарная родовая община, в) феодализм; 2. меновое хозяйство: а) переходные формы: рабство, крепостная организация, б) мелкобуржуазный строй, в) домашне-капиталистическая система, промышленный капитализм типа мануфактуры, г) машинный капитализм; 3. объединенное натуральное хозяйство (коллективизм)². При таком подходе общим критерием оказывается не способ производства, а форма хозяйства (натуральная, товарная и по существу плаиомерная). К тому же происходит нарушение логики исторического процесса: исчезает азиатский способ производства, искусственно отделяются друг от друга феодальная система и система крепостного хозяйства, проблемы рабовладельческого строя излагаются после феодализма, объединяются в один раздел восточное, античное и колониальное рабство и т. д. Существенным недостатком «Курса» была и абсолютизация организаторских функций класса эксплуататоров. «Курс политической экономии» содержал и некоторое преувеличение роли торгового капитала.

Укреплению марксистского направления в советском обществоведении способствовала научная и организационная деятельность историка М. Н. Покровского (1868—1932). В 20-е годы неоднократно переиздаются его многие книги, в том числе пятитомная «Русская история с древнейших времен» (1910—1912) и «Русская история в самом сжатом очерке» (1920). В этих работах автор стремится раскрыть экономическое содержание «трех начал феодализма», сформулированных Н. П. Павловым-Сильванским в книге «Феодализм в Древней Руси» (1907)³. В отличие от ученых, стоявших на позициях буржуазной историографии (Д. М. Пётрушевского, И. М. Гревса, С. Б. Веселовского, С. В. Юшкова и др.) и рассматривавших феодализм как форму политического строя, М. Н. Покровский считал в качестве первого и главного признака феодализма эксплуатацию феодалами зависимого населения.

Школа М. Н. Покровского, несмотря на свойственные ей недостатки

(узкоэкономический подход, недооценка роли производственных отношений в развитии общества, преувеличение значения торгового капитала в разложении феодализма и т. д.), научно и организационно подготовила проведение широких теоретических дискуссий в конце 20-х — начале 30-х годов по проблемам общественно-экономических формаций. В центре дискуссий оказалась книга С. М. Дубровского «К вопросу о сущности «азиатского» способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала» (1929), в которой были подвергнуты критике как схемы буржуазных ученых (П. Г. Виноградова, Д. М. Пётрушевского и др.), так и отдельные, выдержанные в духе экономического материализма положения А. А. Богданова, Н. А. Рожкова и их последователей. Однако собственно авторские, позитивные построения также не были лишены существенных недостатков. В частности, С. М. Дубровский предпринял попытку классификации основных способов производства и хозяйственных укладов, не показав четко, чем же они различаются между собой.

Он разделял сложившуюся в русской буржуазной литературе точку зрения о том, что древнему и средневековому Востоку был присущ феодализм. Дубровский отрицал существование особого, азиатского способа производства и даже пытался доказать, что К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин никогда не писали о нем. Рабовладельческий способ производства как закономерная ступень естественноисторического развития человеческого общества стал предметом специального исследования ученого. Анализ феодальной ренты фактически послужил основой для выделения Дубровским трех самостоятельных способов производства (феодального, крепостного и мелкотоварного).

Обсуждение проблем, поднятых в книге С. М. Дубровского, вылилось в 1929—1931 гг. в серию дискуссий, проведенных в Московском, Ленинградском и Закавказском отделениях общества историков-марксистов, в Институте красной профессуры, в Обществе марксистов-востоковедов и Ленинградском восточном институте⁴.

Одним из вопросов дискуссий был азиатский способ производства. Поводом к этому послужило обсуждение проблемы о движущих силах и перспективах национально-освободительного, антиколониального движения в странах Востока (в частности, китайской революции 1925—1927 гг.), для чего тщательно изучали социально-экономическую структуру их общества, особенно Китая. Уже в 1928—1931 гг. исследованиями Л. Мадьяра, А. Ефимова, Т. Берина, М. Кокина, Г. Папаяна, Р. Фокса, А. Штуссера, М. Годеса и других было убедительно доказано, что концепция азиатского способа производства составляла важную часть учения К. Маркса и Ф. Энгельса об общественно-экономических формациях⁵. Понятие «азиатский способ производства» служило для обозначения раннеклассового общества — государственной системы сельских земледельческих общин. Верховным собственником основных условий производства (земли и воды) являлось государство. Главными формами эксплуатации были рента-налог и трудовая повинность («общественные работы»).

В ходе обсуждения были предприняты попытки уточнить границы азиатского способа производства и в пространственном отношении. Авторы все чаще приходили к пониманию ограниченности термина «азиатский», справедливо отмечая, что «термин «восточное» Маркса в таких случаях применяется не как географический, а как социально-исторический. Происхождение термина объясняется тем, что на современном Марксу Востоке он больше всего находил следов этой специфической формы собственности»⁶.

Сторонники концепции азиатского способа производства прежде всего пытались установить специфику классового деления общества, особенности его сословий и каст. Одним из первых об этой специфике писал Е. С. Варга, находивший в Китае, с одной стороны, эксплуатируемую сельскую общину, значительные остатки родовых связей, а с другой — «класс грамотеев» (шень-ши, джентри. — *Авт.*) как господствующий класс⁷. Шеньши — это сословие чиновников (потенциальных и реальных), которое сложилось на стыке между центральным государственным аппаратом и общинными мирками. Осуществляя переписку с центральной властью и способствуя поступлению ренты-налога в

государственную казну, оно в то же время присваивало значительную часть уплачиваемого государству прибавочного продукта. Мало похожее на западноевропейских феодалов, это сословие воспринималось рядом ученых (Е. С. Варгой, А. Я. Канторовичем, Л. И. Мадьяром, М. Д. Кокиным, Г. К. Папаяном и др.) как господствующий класс азиатского способа производства. Проблема джентри (шень-ши) стала предметом специального анализа на дискуссии, посвященной тайпинской революции⁸. В ходе китайской революции 1925—1927 гг. Коммунистическая партия Китая выдвинула лозунг «Долой помещиков и джентри!». Упоминание об азиатском способе производства появилось в Программе Коминтерна⁹.

Важным вопросом методологических дискуссий конца 20-х — начала 30-х годов была критика теории торгового капитализма. В частности, большинство участников дискуссий показали экономическую однотипность феодального и крепостнического хозяйства и неправомерность характеристики их как двух общественно-экономических формаций. Хотя далеко не по всем вопросам ученые пришли к единому мнению, дискуссии конца 20-х — начала 30-х годов имели важное значение для развития исторической, экономической и философской наук. Именно в это время активизируется творческое изучение богатого наследия основоположников марксизма-ленинизма по проблемам докапиталистических способов производства, получает широкое распространение в советской литературе марксистское учение о формационном прогрессивно-поступательном развитии общества, преодолеваются буржуазные концепции «вечного феодализма», «капитализма в древнем мире», разнообразные циклические теории и т. п.

Однако важность общего итога этих дискуссий не должна закрывать от нас и ряд их существенных недостатков. Прежде всего следует отметить слабую теоретическую подготовку многих участников дискуссий, ограниченность фактического материала, вовлеченного в обсуждение, слишком тесное переплетение теоретического и политического аспектов. Обсуждению научных проблем, теоретическим спорам некоторые участники пытались придать политический характер. Навешивание политических ярлыков и последовавшие затем необоснованные репрессии — все это не могло не наложить отпечаток на итоги дискуссии¹⁰. В частности, это относится к концепции азиатского способа производства, отказать от которой ее сторонников заставили отнюдь не научные аргументы, а то обстоятельство, что она начала рассматриваться (без достаточных на то оснований!) как проявление «троцкистских взглядов» в экономической науке. Наступала эпоха расцвета культа личности, когда цитаты и ссылки на авторитеты (и прежде всего И. В. Сталина) стали главным аргументом и теоретическим «подспорьем» в изучении докапиталистических формаций.

В феврале 1933 г. в докладе на Первом съезде колхозников-ударников И. В. Сталин впервые сформулировал тезис о революции рабов, которая «ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации»¹¹. В соответствии с этим высказыванием С. А. Жебелев и особенно А. В. Мишулин и С. И. Ковалев попытались построить теорию революции рабов¹², согласно которой рабы как «класс-гегемон» объединяют вокруг себя крестьянство и другие обездоленные слои в качестве «союзников». Эта теория упрощала сложную социально-экономическую структуру античного общества, пыталась свести многообразные формы классовой борьбы лишь к одному антагонизму — рабов и рабовладельцев. Но как объяснить тот общеизвестный факт, что все наиболее значительные восстания рабов произошли задолго (за 5—6 веков!) до падения крупнейших рабовладельческих государств? Ученые нашли выход. Они писали, что революция рабов прошла через два периода, «две кульминации»: II—I вв. до н. э. (в результате произошло падение Республики) и III—V вв. н. э. (падение Империи). Искусственность такой схемы позднее (в середине 50-х годов) признал С. И. Ковалев и другие сторонники концепции¹³.

Не менее негативную роль сыграло и другое, сформулированное в кратком курсе «Истории ВКП(б)» (1938) положение о различии между рабовладением и феодализмом. «При феодальном строе, — писал И. В. Сталин, — основой производственных отношений является собственность феодала на средства производства и неполная собственность на

работника производства, крепостного, которого феодал уже не может убить, но которого он может продать, купить»¹⁴. При таком подходе на передний план выдвигалось различие не в системе производственных отношений (в организации хозяйства, характере (внеэкономического принуждения и т. д.), а различие в юридических отношениях (полная или неполная собственность). Действительно, различие способа соединения непосредственного производителя со средствами производства при рабстве и феодализме в формуле Сталина фактически сведено к праву господствующего класса на убийство работника, экономическое отношение — к юридической категории. Но и юридическое понятие оказалось пустой абстракцией: право собственности при рабстве заключается в возможности... ее уничтожения! К тому же такое определение объективно способствовало широко распространившемуся в последующий период отождествлению феодальной формации с ее конкретным вариантом — крепостничеством.

Укреплению юридического подхода в политической экономии феодализма способствовала и необоснованная критика школы М. Н. Покровского, что обуславливало падение уровня теоретических исследований, усиление эмпиризма.

В 1933 г. В. В. Струве, который еще недавно был сторонником концепции о феодальном характере древневосточных обществ (1930), а позднее поддерживал теорию азиатского способа производства (1931), выдвинул теорию развитого рабовладельческого общества в древних монархиях Египта и Шумера. Такой резкий поворот был связан с публикацией в СССР в 1933 г. «Немецкой идеологии» К. Маркса и Ф. Энгельса, в первой главе которой античная форма собственности фигурировала в качестве первой после племенной собственности. В. В. Струве в то время считал, что К. Маркс и Ф. Энгельс в понятии «античность» объединяли и Восток, и греко-римский мир, что, конечно, не соответствует действительности.

Уже в 1934 г. А. В. Мишулин выступил с критикой тезиса Струве о развитом рабовладении на Востоке, предложив заменить его положением о раннерабовладельческом характере древневосточных обществ. К концу 30-х годов это положение стало общим достоянием науки, с которым согласился и автор первоначальной концепции. Исходя из того, что первой формой эксплуатации признавалось рабство, Струве был вынужден без тщательного анализа истолковать различные категории зависимых людей как рабов¹⁵. Таким образом, то, что требовалось доказать (рабовладельческий характер общества), уже предполагалось заранее заданным. На этот замкнутый круг в доказательстве обратили внимание сразу несколько исследователей (И. М. Лурье, Д. А. Ольдерогге, А. И. Тюменев)¹⁶.

И все же, несмотря на недоказанность тезиса о решающей роли рабского труда на Востоке, гипотезе В. В. Струве суждено было просуществовать в качестве господствующей в течение 30 лет. Движение вперед в те годы могло осуществляться лишь в форме накопления фактического материала, который обобщался на уровне конкретно-исторических исследований. Но и в этих условиях критика схематичности построений Струве не прекращалась по существу на протяжении 30-х — 50-х годов¹⁷. Однако она приняла форму, с одной стороны, дискуссии о социально-экономическом содержании терминов, обозначавших работников государственного (храмового) хозяйства (мерет, гуруши и т. п.), которых Струве и его последователи считали рабами, а с другой — обсуждения роли нерабовладельческих форм эксплуатации на Древнем Востоке, и в частности значения эксплуатации труда свободных общинников. Каждая из этих проблем с разных сторон вскрывала недостатки гипотезы В. В. Струве о рабовладельческом характере древневосточных обществ.

В 1936 г. ЦК ВКП(б) было принято решение о новой программе курса по политической экономии, в которой предусматривался раздел о докапиталистических формациях. В 1936—1937 гг. издаются первые работы К. В. Островитянова, посвященные первобытному коммунизму, рабовладельческому и феодальному строю, объединенные позднее в книгу «Докапиталистические формации» (М., 1945). Достоинством книги К. В. Островитянова была попытка комплексного анализа становления, развития и разложения

докапиталистических формаций как прогрессивных ступеней развития человеческого общества. В то же время нельзя не отметить неразвитость экономической системы категорий каждой из докапиталистических формаций, смешение производственных и юридических отношений, исторического и логического уровня анализа. Различие между рабством и феодализмом трактовалось исходя из положения И. В. Сталина о полной собственности на раба и неполной собственности на крепостного. Азиатский способ производства фигурировал как особая разновидность рабства¹⁸.

Несмотря на значительное снижение теоретического уровня экономических исследований докапиталистических формаций, именно в 30-е годы начинается широкое накопление конкретно-экономического и исторического материала *, что позволило в дальнейшем преодолеть примитивные схемы и априорные конструкции, господствовавшие в этот период.

Глава 19 (с. 278—286)

¹ См.: *Лозинский С. Г.* История труда. Пг., 1920; *Он же.* Очерки истории классовой борьбы. Л., 1925; *Тюменев А. И.* История труда. Пг., 1922; *Он же.* Очерк истории экономического быта. Л., 1929; *Рожков Н. А.* Русская история в сравнительно-историческом освещении: Основы социальной динамики. Т. 1. М.; Пг., 1923, и др.

² См.: *Богданов А., Степанов И.* Курс политической экономии. 4 изд. Т. 1. М.; Л., 1925. С. 17—18.

³ См.: *Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в России. М., 1988. С. 70—74.

⁴ См.: Историк-марксист. Т. XVI. 1930; Спорные вопросы методологии истории: Дискуссия об общественных формациях. Харьков, 1930; Об азиатском способе производства. Тифлис, 1930; Против механистических тенденций в исторической науке. М.; Л., 1931.

⁵ См.: *Мадьяр Л.* Экономика сельского хозяйства Китая. М.; Л., 1928; *Он же.* Предисловие к книге М. Кокина, Г. Папаяна ««Цзин-тянь»: аграрный строй древнего Китая» (Л., 1930); *Ефимов А.* Концепция экономических формаций у Маркса и Энгельса и их взгляды на структуру восточных обществ//Историк-марксист. Т. XVI. 1930; *Берин Т. Д.* Феодализм или азиатский способ производства?//Об азиатском способе производства; *Кокин М., Папаян Г.* Указ. соч. Гл. 1; *Фокс Р.* Взгляды Маркса и Энгельса на азиатский способ производства и их источники//Летописи марксизма. III (XIII). М.; Л., 1930; *Штуссер А.* Маркс и Энгельс об Индии. М., 1930; *Тодес М.* Итоги дискуссии об азиатском способе производства//Дискуссия об азиатском способе производства.

⁹ Спорные вопросы методологии истории. С. 212.

⁷ См.: *Варга Е.* Экономические проблемы революции в Китае//Плановое хозяйство. 1925. № 12. С. 172, 174.

⁸ См.: История революционного движения в Китае в XIX—XX вв. Гл. II: «Тайпины». М., 1928. С. 11, 24—37.

⁹ См.: Программа и Устав Коммунистического Интернационала.

М.; Л., 1930. С. 57.

¹⁰ Подробнее об этом см.: *Варга Е.* Очерки по проблемам политической экономии капитализма. М., 1964. С. 368—381; *Данилова Л. В.*

Становление марксистского направления в советской историографии эпохи феодализма//Исторические записки. Т. 76. С. 98—100; *Никифоров В. Н.* Дискуссии советских историков об общественно-экономическом строе Китая (1925—1931)//Народы Азии и Африки. 1965. № 5.

С. 79—80.

¹¹ *Сталин И. В.* Вопросы ленинизма. 11 изд. М., 1952. С. 412.

¹² См.: *Жебелев С. А.* Последний Перисад и восстание скифов на Боспоре. Л., 1933; *Ковалев С. И.* Классовая борьба и падение античного общества//Из истории докапиталистических формаций (Изв. ГАИМК. Вып. 100). М.; Л., 1933; *Он же.* Проблема социальной революции в античном обществе//К. Маркс и проблемы истории

докапиталистических формаций (Изв. ГАИМК. Вып. 99). М.; Л., 1934; *Жебелев С. А., Ковалев С. И.* Великие восстания рабов II—I вв. до н. э. в Риме//Из истории античного общества (Изв. ГАИМК. Вып. 101). М.; Л., 1934; *Мишулин А. В.* Спартаковское восстание.

М., 1936.

¹³ См., например: *Ковалев С. И.* К вопросу о характере социального переворота III—V вв. в Западной Римской империи.

¹⁴ История ВКП(б): Краткий курс. М., 1938. С. 120; *Сталин И. В.* Вопросы ленинизма. С. 595.

¹⁵ См.: *Струве В. В.* Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих общин древнего Востока//Известия•ГАИМК. Вып. 77. 1934. С. 32—111.

" См. там же. С. 1*14, 117—118, 142.

¹⁷ Подробнее см.: *Постовская Н. М.* Изучение древней истории Ближнего Востока в Советском Союзе (1917—1959). М., 1961; *Гару-шянц Ю. М.* Об азиатском способе производства//Вопросы истории. 1966. № 2. С. 94—97.

¹⁸ См.: *Островитянов А. В.* Избранные произведения: В 2 т. Т. 1. М., 1972. С. 179—181.